

ШИРОКИЕ МАССЫ
ВЕРНЫ НАСТОЯЩЕЙ МУЗЫКЕ

большого общественного содержания, высокого гуманизма: искусству, которое объединяло бы людей, обращалось бы к широким массам народа, а не к узкой

ПОД таким заголовком в очередном одиннадцатом номере журнала «Советская музыка» опубликован текст беседы Д. Шостаковича с корреспондентом одной из польских газет. Темой беседы послужил состоявшийся в сентябре этого года традиционный музыкальный фестиваль «Варшавская осень». Однако содержание ее оказалось значительно шире непосредственных впечатлений от произведений, звучавших на фестивале. Многие мысли, высказанные Д. Шостаковичем в процессе беседы, представляют общестетический интерес, помогают понять творческий метод советских композиторов, их отношение к народной музыке, классическим традициям, подлинному новаторству и «новаторству» декадентов-формалистов.

В частности, отвечая на вопрос, существуют ли в СССР попытки отойти от системы мажоро-минора, Д. Шостакович сказал:

— Для русской народной песни, живительные соки которой питают русскую профессиональную музыкальную культуру, система мажор-минора вообще мало характерна. Русскую народную музыку отличают богатство и разнообразие натуральных ладов, которые дают неисчерпаемые возможности для творческой фантазии композитора, позволяют ему находить новые и новые гармонические средства в пределах ладового мышления. Уже Глинка в своих бессмертных произведениях широко использовал народные лады. Еще дальше пошли в области ладового обогащения музыки Римский-Корсаков, Мусоргский, Скрябин, оказавшие огромное влияние на гармонический язык западноевропейских

композиторов, в частности французских импрессионистов.

Не менее богаты ладовыми ресурсами национальные музыкальные культуры других народов СССР. Советским композиторам нет надобности экспериментировать в области атональной музыки, ибо перед ними раскрыты не только все богатства русской музыки, но и почти нетронутая целина народной музыки ряда братских республик. Многие композиторы широко разрабатывают в своем творчестве различные пентатонные лады, присущие музыке татар и некоторых других народов нашей страны, другие обращаются к своеобразным ладам грузинской, азербайджанской или таджикской музыки. Якутской песне присущ так называемый «развертывающийся» лад и так далее. Все это очень далеко от мажор-минорной структуры западноевропейской музыки и сообщает большую свежесть творчеству многих наших композиторов. Достаточно назвать имена таких мастеров, как С. Прокофьев, А. Хачатурян, Г. Свиридов, Кара Караев, чтобы понять, как глубоко обогащает талант творческое отношение композитора к родному фольклору, как это помогает формированию ярко самобытной индивидуальности. Особенно ясно это видно на примере нашей талантливейшей композиторской молодежи, выступающей ярко, своеобразно, интересно...

Наши композиторы оцениваются не за технологическое формальное экспериментирование, не за то, выходят они или не выходят за пределы тональной музыки, а за то, что они пишут хорошую, т. е. содержательную и художественно совершенную музыку.

Резко отрицательно отозвался Д. Шостакович о так называемой додекафонной музыке.

— Я твердо убежден в том, — сказал он, — что в музыке, как и в любой другой области человеческой деятельности, всегда необходимо ис-

кать новые пути. Но мне кажется, что глубоко заблуждаются те, кто видит эти новые пути в додекафонии. Узкий догматизм этой искусственно рожденной системы крайне сковывает творческое воображение композиторов и обезличивает их индивидуальность. Не случайно ведь, что во всем наследии творца додекафонной системы А. Шенберга нет ни одного произведения, которое получило бы широкое признание. То же можно сказать и об его последователе А. Веберне. На открытии фестиваля мы слышали одно из ранних произведений Веберна, написанное почти пятьдесят лет назад (в 1910 году). Оно производит гораздо большее впечатление, нежели его позднейшие опусы. Мне кажется, что это результат иссушающего воздействия додекафонических догм.

Я хочу подчеркнуть, что выразительные возможности додекафонной музыки крайне невелики. В лучшем случае она способна выражать лишь состояния подавленности, протеста или смертельного ужаса, т. е. настроения, противные психике нормального человека, и тем более человека нового социалистического общества.

Сторонники додекафонии сами отчетливо сознают ущербность их музыки. Один из ближайших приверженцев Шенберга Теодор Адорно признавался: «Страх одиночки становится канонем новой эстетики искусства». Эта «новая» эстетика — порождение старого мира, навсегда уходящего в прошлое. Ее создали люди, которые страшатся настоящего и не верят в будущее, не видят перед собой больших и светлых перспектив.

Поэтому меня очень тревожит, что некоторые польские композиторы, особенно из молодежи, цепляются за «откровения» додекафонии, видя в ней будущее музыкального искусства. Мне бы искренне хотелось предостеречь их от этих увлечений и посоветовать внимательнее и глубже от-

нестись к национальным традициям польской музыки, традициям великих польских классиков Шопена и Шимановского.

Додекафония не имеет не только будущего, но даже настоящего. Это только «мода», которая уже проходит. Порожденные же ею «новейшие» течения, вроде пуантилизма, уже вовсе выходят за пределы музыки. Характерно, что даже весьма опытные музыканты, давно и много упражняющиеся в исполнении подобного рода опусов, как, например, выступавшие на фестивале бельгийская пианистка Марсель Мерсенье и итальянский флейтист Северино Гачцелони, оказались не в силах запомнить творения пуантилистов и играть их без нот. Если сочинение не запечатлевается в сознании даже музыкантов-профессионалов, это доказывает его полную абсурдность. Ведь человек тем и отличается от животного, что он способен логически мыслить и логически запоминать. То, что на фестивале демонстрировалось под вывеской западного «авангарда», противно человеческой природе и противно высокому человеческому искусству музыки.

— Каково ваше мнение о «конкретной» и «электронной» музыке? — спросил польский корреспондент.

— Такой музыки я не знаю, — ответил Д. Шостакович, — то, что нам демонстрировал на фестивале Пьер Шеффер, никакого отношения к музыке не имеет. Некоторые из этих шумовых эффектов давным-давно нашли применение в кино, в радиопостановках, в драматическом театре. Но мне представляется полным абсурдом заставлять людей приходить в концертные залы специально для того, чтобы слушать эти, часто весьма неприятные и совершенно бессмысленные звуки...

Я глубоко убежден, что как настоящее, так и будущее принадлежит подлинной музыке — искусству

искусству, которое воспитывало бы в людях благородные душевные чувства и тонкое понимание красоты. К этому мы способны ни додекафония, ни звуковые комбинации пуантилистов, «электронников» и «конкретников», которым при всей их склонности к шумихе и саморекламе никогда, я уверен, не удастся заинтересовать своей продукцией сколько-нибудь общественно значительную часть слушателей. Все эти направления так же скоро будут похоронены, как был похоронен в свое время футуризм, труп которого пытаются гальванизировать современные абстракционисты.

Что же касается собственно программ «Варшавской осени», то Д. Шостакович подчеркнул их заметный крен в сторону западных «экспериментов» и додекафонной музыки. Творчество же прогрессивных композиторов, отметил он, было представлено слабо и далеко не всегда их сильнейшими произведениями. Это создало весьма необъективную картину состояния современного музыкального искусства...

— Программы нынешнего фестиваля «Варшавская осень» не отражают подлинного соотношения сил музыкального искусства. У посетителей концертов фестиваля может создаться впечатление, что в мире только и создается додекафонная музыка. На самом деле это вовсе не так. Широкие массы слушателей по-прежнему верны настоящей хорошей музыке — классической и современной. Мне хотелось бы выразить пожелание, чтобы на «Варшавской осени» будущего года прозвучали симфонии, песни, кантаты и произведения других жанров, отражающие мысли и чувства миллионов простых людей живущих мирной, созидательной жизнью, стремящихся к дружбе, взаимному сотрудничеству. Тогда бы и встречи композиторов разных стран были бы значительно более полезными и плодотворными.